

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОДЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Роль русских и китайских урбонимов в коммуникативном пространстве современного мегаполиса

The Role of Russian and Chinese Urban Names in the Communicative Space of a Modern Metropolis

DOI: 10.12737/2587-9103-2023-12-4-7-19

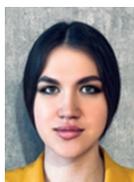
Получено: 17 мая 2023 г. / Одобрено: 07 июня 2023 г. / Опубликовано: 26 августа 2023 г.

**И.И. Просвиркина**

Д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин, профессор кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, Россия, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: prosvirkina.irina@yandex.ru

I.I. Prosvirkina

Ph.D., Professor, Orenburg State University, ORCID iD: 0000-0002-4052-2853, 13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia, e-mail: prosvirkina.irina@yandex.ru

**М.А. Лыкова**

Магистр филологических наук кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин Оренбургского государственного университета, Россия, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: alekseevna.ritka@bk.ru

M.A. Lykova

Master of Philological Sciences, Orenburg State University, 13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russia, e-mail: alekseevna.ritka@bk.ru

Аннотация

Способы номинации современных пространственных реалий отражают языковое сознание и создают новую языковую реальность, поэтому анализ названий объектов, которые являются частью коммуникативного пространства, становится актуальной проблемой. В статье анализируются способы экспликации лексических единиц, обозначающих пространственные объекты, в частности урбонимов, в русском и китайском коммуникативном пространстве, рассматривается взаимосвязь именования объекта и культурного кода.

Целью исследования стало описание способов экспликации лексических единиц, обозначающих пространственные объекты (урбонимов), в русском и китайском языках, определение их функционала в коммуникативном пространстве мегаполиса.

Для достижения цели использованы метод сплошной выборки, сопоставительный этимологический и лингвокультурологический анализ. В результате анализа названий пространственных объектов, в частности урбонимов московского и пекинского метро, их классификации на основе этимологии авторы приходят к выводам, что лексические единицы, называющие пространственные объекты, выполняют не только информационную, культурную, коммуникативную, но и культуросохраняющую функции, т.е. являются способом сохранения культурных паттернов и влияют на атмосферу коммуникативного пространства мегаполиса.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые дано сопоставительное описание урбонимов московского и пекинского метро, рассмотрены некоторые способы вербализации названий городских объектов и определена их роль в коммуникативном пространстве.

Практическая значимость заключается в том, что анализ семантики пространственных лексических единиц помогает понять тенденции процесса номинации локусов, их влияние на формирование особого коммуникативного пространства, а также то, что, давая имя городскому объекту, мы наполняем его особой информацией, которая передаётся будущим поколениям.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, номинация, экспликативы пространства, урбонимы.

Abstract

The ways of nominating modern spatial realities reflect linguistic consciousness and create a new linguistic reality, therefore, the analysis of the names of objects that are part of the communicative space becomes an urgent problem. The article analyzes the ways of explication of toponyms, in particular antonyms, in the Russian and Chinese communicative space, the relationship between the naming of the object and the cultural code.

The process of nomination of modern spatial realities reflects the linguistic consciousness and creates a new linguistic reality, so the analysis of locus names (toponyms) is an urgent problem. The article studies the ways of explication of space, the interrelation of language and cultural codes.

The aim of the study was to describe the ways of explication of lexical units (paronyms) in Russian and Chinese, to determine their functionality in the communicative space of the metropolis.

To achieve the goal, the following methods were used: continuous sampling method, comparative etymological and linguoculturological analyses.

As a result of the analysis of the names of spatial objects, in particular the urban names of the Moscow and Beijing metro, their classification based on etymology, the authors come to the conclusion that lexical units that name spatial objects perform not only informational, cultural, communicative, but also culturally preserving functions, that is, they are a way of preserving cultural patterns that affect the atmosphere of the communicative space of the metropolis.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time a comparative description of the urban names of the Moscow and Beijing metro is given, some ways of verbalization of urban objects are revealed and their role in the communicative space is determined.

The practical significance lies in the fact that the analysis of the semantics of spatial lexical units helps to understand the trends in the process of nominating loci, their influence on the formation of a special communicative space, and also the fact that, giving a name to an urban object, we fill it with special information that is passed on to future generations.

Keywords: communicative space, nomination, explicators of space, urban names.

Введение

Познавая окружающий мир, мы невольно осваиваем его в системе координат пространства и времени, потому что каждый момент нашего существования — это точка в этой системе. Таким образом, анализ номинации пространственных и временных единиц является важным для понимания того, как в данной культуре происходит осмысление окружающей действительности, сохраняются культурные паттерны, складывается система отношений между людьми в процессе коммуникации. Процесс номинации современных пространственных реалий отражает языковое сознание и создаёт новую языковую реальность, поэтому анализ названий локусов, в частности топонимов, является актуальной проблемой. Во-первых, таким образом изучаются различные способы экспликации пространства: с помощью лексических единиц, грамматических категорий, синтаксических конструкций; во-вторых, анализируется взаимосвязь языка и культурных кодов, заложенных в лексических единицах, обозначающих пространство, в частности, урбонимов; в-третьих, пространственные лексические единицы фиксируют «точки коммуникации», коммуникативное пространство и тем самым определяют социальный или культурный «статус места», его стратегическую цель.

Осмысление иной картины мира тесно связано с процессами коммуникации, для которых необходимо понимание не только языковых единиц, но и тех смыслов, которые стоят за этими языковыми единицами, поэтому анализ различных лексических единиц, эксплицирующих базовые категориальные понятия, так важен. Актуально исследование ещё и потому, что имеет практическое значение для образовательного процесса: при обучении китайскому языку русскоязычных учащихся, а также для учащихся из Китая, приступающих к изучению русского языка, необходимо понимание «культурных смыслов» в названиях тех объектов, которые окружают их в повседневной жизни. Анализ лингвокультурной составляющей поможет выявить глубину семантики пространственных лексических единиц и способствует проникновению в культурные смыслы, а также способствует осуществлению продуктивных коммуникативных контактов.

Целью нашего исследования стало описание способов экспликации лексических единиц, называющих пространственные объекты в русском и китайском языках.

Для достижения цели необходимо было решить следующие задачи: во-первых, отобрать пространственные единицы (урбонимы) московского и пекинского метро; во-вторых, на основе этимологии классифицировать урбонимы московского и пекин-

ского метро; в-третьих, выявить особенности урбонимов московского и пекинского метро и их роль в коммуникативном пространстве современных мегаполисов.

Постановка проблемы. Теоретическая часть

Как в российской, так и в китайской науке понятие «пространство» является центральной темой исследований в различных областях, включая физику, астрономию, географию, историю, лингвистику, лингвокультурологию и др. Однако лингвистическая и лингвокультурная интерпретации данного понятия различаются как в русском, так и в китайском языках. Теоретической базой исследования стали работы Р.А. Агеевой, С.А. Арутюновой, Г.Д. Гачева, О. Я. Гойхмана, О.А. Корнилова, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, М.А. Кунижева, В.М. Мокиенко, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.П. Топорова, Тань Аушуан, В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян, А.Т. Хроленко, А.Д. Шмелёва, Е.С. Яковлевой и др., а также идеи российских и китайских учёных Е.Л. Березович, Я.Л. Березович, Ван Луся, О.В. Дубковой, А.А. Ивыгиной, Лю Пэн, В.А. Масловой, А.А. Маслова, Т.А. Морозовой, М.В. Рубец, С.П. Старостиной, Цзянь Ямин, Цзинь Тао, Цун Фэнлин, Чжу Жуйшуан, Ян Фан, Яо Чжипэн и др., в которых уделяется внимание этимологии пространственных лексических единиц, в том числе различным топонимам, а также анализу их культурных смыслов.

Понятие «пространство» в русской языковой картине мира занимает особое место и, по сути, является не только физической сущностью, но и социальной, духовной и эмоциональной. В.А. Маслова отмечает, что изначально пространство мыслилось как мо-дель, которая «построена» вещами: «...архаическая модель пространства, которое осваивается человеком, обживается им. Архаическое представление о пространстве сводилось к тому, что оно не предшествовало вещам, а наоборот, конструировалось ими» [15]. В русском языке имеет большое количество слов и выражений, эксплицирующих пространство, описывающих пространственные отношения, такие как направление, место, расстояние и др.

В китайском языке концептуализация смысла 空间 (kōngjiān) тесно связана с философскими и метафизическими традициями даосизма и буддизма. В этих традициях пространство рассматривается как динамическая и взаимосвязанная сила, пронизывающая все вещи во вселенной. Китайские учёные исследуют символическое значение пространства, например, то, как оно представлено в литературе и искусстве, и как оно влияет на социальные и психологические отношения. Считается, что пространство

существует исключительно благодаря своим границам. Китайцы, как и русские, обладают богатым лексиконом для описания пространства и его характеристик, но в китайском языке более сложная система описания пространственных отношений, основанная на иероглифах-указателях направления движения: 上 shàng «верх», 下 xià «низ», 前 qián «вперёд», 后 hòu «назад» и т.д.

Таким образом, категория пространства «будет осмыслена по-разному в различных культурах и будет иметь различные экспликации в том или ином языке, потому что ее понимание напрямую связано с национальной языковой картиной мира» [9]. Различия в способах номинации пространственных единиц, в частности топонимов, России и Китая отражают особенности культурных традиций этих стран. Именно традиции формировали способы мышления людей и определяли то, как они видят и интерпретируют окружающий мир и как отражают его в номинациях, в частности при указании места.

Тань Аошуан, опираясь на высказывание В.Н. Топорова о том, что образ пространства наполнен человеком, где сама идея пространственной категории реализуется в таких понятиях как «собираение», «обживание» и «освоение» [26, с. 242], считает, что картина пространственного мира китайцев лучше всего описана в первом параграфе «Дао дэ цзина»: «Небытие — название начала неба и земли, бытие — название матери десяти тысяч вещей». Исследователь делает вывод, что такие понятия, как 天 tiān *небо* и 地 dì *земля* — это *небытие*, которое противопоставляется *бытию*, т.е. десяти тысячам вещей. Человек в пространстве Поднебесной не смешивается и не растворяется во множестве всего, а выделяется самостоятельно, как *человековещь*, потому как это единственное, что обладает способностью мыслить: «Человек выступает как истинный хозяин обжитого им в течение многих тысяч лет пространства, тем существом, которое возвышается над «десятью тысячами вещей»: «человек — это то среди десяти тысяч вещей, что обладает разумом» (renweiwanwuzhiling)» [26, с. 12]. *Человековещь* (wanwu), по Тань Аошуан, это «человеческая вещь», в современном языке имеет перевод «личность» или «персонаж». Понятия «человек» (wan) и «вещь» (wu) находятся в отношении рода и вида. Категория «существование и нахождение» может быть реализована в языке различными средствами, например, словами, которые в китайском языке выполняют функцию глаголов [26, с. 15].

Способы вербализации пространства в русском и китайском языках разные, но каждый способ обладает уникальной логикой и позволяет точно передать особую атмосферу конкретного (русского или китайского) пространства. Конечно же при переводе

текстов с одного языка на другой возникают сложности, в том числе из-за различий в способах экспликации. Однако при понимании различия в способах семантизации пространственных единиц можно достичь точного перевода текста (как с русского на китайский, так и с китайского на русский) без потери информации, в том числе и культурно значимой.

Топонимы, или названия географических объектов, играют важную роль в концептуализации пространства как в русском, так и в китайском языках. Прежде всего, топонимы помогают человеку ориентироваться в пространстве и передавать информацию о нахождении объекта другим людям. Различные виды топонимов в любой культуре представляют собой уникальные метки для определения местоположения и направления движения. Они позволяют быстро опознать знакомые объекты на карте или в реальном мире.

Кроме того, топонимы являются частью национальной языковой картины мира и отражают особенности культуры и истории места. Например, названия городов и деревень часто связаны с историческими событиями, национальными традициями или культурными моделями (способами называния объектов). Интерес к топонимам в науке является устойчивым, потому что обращение к данным лексическим единицам позволяет решить практические проблемы, например, при переводе с одного языка на другой, при номинации новых объектов и т.д. В нашей статье мы впервые предлагаем взглянуть на пространственные единицы (урбонимы Москвы и Пекина) в сопоставительном аспекте.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили урбонимы, в частности, названия станций метро Москвы и Пекина. Выбирая материал для исследования мы руководствовались несколькими критериями: 1) отобранные лексические единицы, называющие объекты, позволяет понять, какие культурные следы фиксируют урбонимы и какую функцию они выполняют в коммуникативном пространстве мегаполиса; 2) данный материал позволяет осмыслить, насколько формализовано культурное пространство урбонимов станций метро, имеющих вторичную номинацию, при которой фактически «стирается» «культурный код»; 3) лексические единицы, обозначающие объекты, проанализированные в сопоставительном аспекте позволят увидеть сходство и различие в способах номинации урбонимов в культуре китайцев и русских.

В процессе исследования применены метод сплошной выборки и сопоставительный этимологический

и лингвокультурологический анализ урбонимов, названий станций.

Результаты исследования

Пространственные языковые единицы ономастикона, в частности топонимические, являются для носителя языка «указателями» конкретного места, т.е. их основная функция — ориентировка в пространстве, но в них также сохраняется информация о духовной культуре народа, т.е. они представляют «...иерархически организованную систему разных кодов...» [8]. Ответы на вопросы о том, «считываются» ли эти коды носителями языка, играют ли урбонимы только прагматическую роль в современной коммуникации, кажутся нам важными для понимания контекста коммуникативного процесса. Для ответов на эти вопросы нами были классифицированы и описаны 260 названий станций московского метрополитена, точнее, названия станций его 15 действующих линий — «Сокольнической», «Замоскворецкой», «Арбатско-Покровской», «Филёвской», «Кольцевой», «Калужско-Рижской», «Таганско-Краснопресненской», «Калининской», «Солнцевской», «Серпуховско-Тимирязевской», «Люблинско-Дмитровской», «Большой кольцевой», «Бутовской», «Монорельса», «Московского центрального кольца», «Некрасовской». В данном исследовании не анализировались урбонимы станций двух (13 и 14) линий, так как они относятся к средствам наземной коммуникации.

На основе анализа этимологии урбонимов станций московского метро, а также классификации ономастикона А.В. Суперанской [22] все пространственные единицы распределены по рубрикам:

- 1) **урбонимы, образованные от названия различных видов населённых пунктов (астионимов и ойконимов):** («Румянцево», «Саларьево», «Прокшино» и др.);
- 2) **урбонимы, образованные от названия внутригородских объектов (других урбонимов):** «Китай-город», «Пролетарская», «Электrozаводская», «Савёловская», «Спортивная», «Водный стадион», «Университет», «Воробьёвы горы», «Арбатская», «Текстильщики», «Первомайская», «Красные Ворота»;
- 3) **урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа** («Маяковская», «Бауманская», «Селигерская», «Комсомольская» и др.);
- 4) **урбонимы, связанные с обозначением места относительно его расположения к сторонам света:** «Юго-Западная», «Южная», «Юго-Восточная».

В первой группе «урбонимов, образованных от названия различных видов населённых пунктов», нами выделены две подгруппы: урбонимы, образованные от названия ойконимов (комонимов и астионимов), которые отсылают современников к назва-

ниям населённых пунктов, когда-то располагавшихся на территории современной Москвы, и тех, которые образованы от названия ойконимов (астионимов), никак не связанных территориально с городом Москвой.

Урбонимы, образованные от названия астионимов и комонимов, которые когда-то располагались на территории современной Москвы, сохраняют память о тех населённых пунктах, которые были поглощены быстро растущим мегаполисом. Почти все названия станций отражают полное название деревень и сёл, без каких-либо изменений («Черкизовская», «Румянцево», «Саларьево», «Прокшино», «Коммунарка», «Домодедово», «Мякино», «Алексеевская», «Беляево», «Выхино», «Рассказовка», «Говорово», «Алтуфьево», «Владыкино», «Аннино», «Дубровка», «Борисово», «Шелепиха», «Мнёвники», «Терехово» и др.).

Все вышеназванные урбонимы являются ориентационным полем, указывают на местоположение объектов, а также сохраняют память о том, когда-то это место для кого-то было малой родиной. Но некоторые названия под воздействием различных событий могут быть переосмыслены и получают новое, добавочное значение, отражающее новые события. Например, станция «Домодедово» названа по селу Домодедово, известного ещё с XIV в. Но в эпоху пандемии коронавируса, когда людям в возрасте настоятельно рекомендовали как можно меньше коммуницировать с другими, призывая находиться дома, название данной станции в народном фольклоре получило новое смысловое наполнение: урбоним *Домодедово* стал использоваться как: *ДомаДедовская*. Таким образом, отражение мировых событий немного изменили в народной этимологии грамматическую конструкцию и графическое оформление урбонима, наполнив его новым ироническим смыслом.

Интересными являются, на наш взгляд, урбонимы, образованные от астионимов: «Севастопольская», «Тулская», «Алма-Атинская», «Нижегородская», «Минская», «Варшавская», «Пражская», «Римская», «Братиславская». Этимология урбонимов, связанных с названием советских городов, понятна каждому человеку, рождённому в СССР или знающему историю страны, в которой он живёт, потому что каждый наполнен определённым культурным смыслом, связанным с историческими событиями, понятными любому носителю русской культуры. Например, астионим «Севастопольская» связан с топонимом Севастополь, который, не просто является городом-героем, но и благодаря словам из песни «Легендарный Севастополь» (слова П. Градова, музыка В. Мурадели), как известно, является «гордостью русских моряков» и который даже у современного носителя русского языка ассоциируется со славой русского воинства.

Наверное, не случайно роман Д. Глуховского «Метро 2034» начинается с описания именно станции метро «Севастопольская».

Смысл же астионимов («Пражская», «Римская», «Братиславская» и др.), связанных с названием европейских городов, прозрачен, с одной стороны, потому что отсылает к названиям столиц некоторых европейских государств, но и не совсем понятен, с другой стороны: почему названия станций образованы от названий только нескольких европейских городов: Праги, Варшавы, Рима, Братиславы, а именно: станция *Пражская* названа по названию столицы Чехии (Прага), *Римская* — по названию столицы Италии (Рим), а *Братиславская* — по названию столицы Словакии (Братислава). Названия были задуманы как эксперимент, своеобразное выражение дружеского отношения одного государства к другому: так, в Праге была построена станция, которая получила название «Московская» (позже была переименована) в честь столицы Советского Союза и, соответственно, в московском метро появилась станция «Пражская». В Риме станция с аналогичным названием не появилась, но в 1978 г. одна из станций метро в Милане получила название «Московская». Примечательно, что в проектировке станции «Пражская» участвовали чехословацкие художники, а в «Римской» — итальянские. В некоторых европейских городах появились «московские» станции, например, в Будапеште (Венгрия) появилась станция «*Moszkvater*» («Московская площадь»), которая позже была переименована.

Самая многочисленная группа, на наш взгляд, — это урбонимы, образованные от других урбонимов, которые являются названиями различных внутригородских объектов. Можно выделить:

а) **хоронимы городские** (образованы от названий парков, кварталов, районов): «Сокольники», «Тропарёво», «Филатов Луг», «Ховрино», «Орехово», «Строгино», «Крылатское», «Фили», «Китай-город», «Новые Черёмушки», «Марьино Роща», «Печатники»; «Парк культуры», «Воробьёвы горы», «Технопарк», «Парк Победы», «Измайловская», «Филёвский парк», «Петровский парк», «Битцевский парк», «Лесопарковая»; «Александровский сад», «Ботанический сад» и др.;

б) **годонимы** (образованы от названий улиц, бульваров, проспектов, переулков): «Красносельская», «Тверская», «Арбатская», «Нагатинская», «Улица Академика Янгеля», «Чкаловская», «Бунинская аллея», «Бульвар Рокоссовского», «Славянский бульвар», «Цветной бульвар», «Проспект Вернадского», «Проспект Мира», «Ленинский проспект», «Пятницкое шоссе», «Боровское шоссе» и др.;

в) **агоронимы** (образованы от названий площадей, рынков): «Красные Ворота», «Смоленская», «Преоб-

раженская площадь», «Театральная», «Площадь Революции», «Сухаревская», «Пушкинская», «Площадь Ильича», «Озёрная», «Крестьянская Застава» и др.;

г) **ойкодонимы** (образованы от названий различных городских зданий, строений): *аэродромов*: «Аэропорт»; *библиотек*: «Библиотека имени Ленина»; *бизнес-центров*: «Деловой центр»; *вокзалов*: «Речной вокзал», «Белорусская», «Павелецкая», «Киевская», «Курская», «Рижская», «Савёловская»; *заводов*: «Войковская», «Автозаводская», «Электrozаводская»; *музеев*: «Коломенская», «Царицыно», «Третьяковская»; *набережных*: «Фрунзенская»; *городских площадок для проведения культурных мероприятий*: «Выставочная», «ВДНХ»; *спортивных объектов*: «Спортивная», «Водный стадион», «Динамо», «Спартак», «ЦСКА»; *университетов и институтов*: «Университет», «Менделеевская»; *остановочных пунктов (станций)*: «Текстильщики», «Окружная».

Большая часть вышеназванных урбонимов указывает на доступность объекта (бизнес-центр, университет, завод и др.), его протяжённости (улица, бульвар, проспект и др.), т.е. выполняет указательно-ориентировочную функцию. Конечно, некоторые из этих урбонимов, имеющих вторичную номинацию, связаны с первичными урбонимами — лексическими единицами, которыми названы музеи, улицы, площади и т.д. — но в этих лексических единицах можно обнаружить «...различную глубину залегания культурного слоя, а в некоторых случаях — его растворение, превращение в невидимую глазу кристаллическую решетку, формирующую семантическое наполнение имени» [4, с. 13].

Мы посчитали необходимым в особую группу выделить урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа, т.е. лексические единицы, в которых сохраняется культурный след. Конечно, основная функция любой ономастической единицы, — указание на территориальное расположение объекта, но названия некоторых топонимов имеет выраженную культурную маркировку. Даже если в названии ряда станций данное культурное значение «ослаблено» и не всегда понятно носителям русского языка, культурный код станций метро «зашифрован» в архитектуре, в различных текстах художественной, публицистической литературе. Также есть и урбонимы, которые имеют прямое отношение к культурному коду носителей русского языка. Именно это обстоятельство позволило нам вычленить урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа, в которых культурная информация первична, её можно «считать» по названию станции или по оформлению самой станции. Все урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа, мы разделили на подгруппы:

- а) урбонимы, образованные от имён собственных известных людей;
- б) урбонимы, образованные от названий явлений и событий, связанных с культурными паттернами;
- в) урбонимы, образованные от названия политических организаций.

К первой микрогруппе можно отнести названия станций: «Кропоткинская», «Маяковская», «Бауманская», «Багратионовская», «Бабушкинская», «Полежаевская», «Петровско-Разумовская», «Боровицкая», «Воронцовская».

Все названия станций данной подгруппы образованы от антропонимов, которые принадлежат известным историческим личностям. Так, станция «Кропоткинская» названа в честь Петра Алексеевича Кропоткина, учёного-географа, а также «самого известного анархиста планеты Земля», а станция «Маяковская» — в честь русского поэта Владимира Владимировича Маяковского. Имя станции «Бауманская» подарил Николай Эрнестович Бауман, революционер-большевик, а станция «Багратионовская» носит имя в честь Петра Ивановича Багратиона, героя войны 1812 г., одного из ста великих русских полководцев. Станция «Бабушкинская» получила название в честь Михаила Сергеевича Бабушкина, советского полярного лётчика, Полежаевская — Василия Деметьевича Полежаева, начальника Московского Метростроя, а Петровско-Разумовская — Кирилла Григорьевича Разумовского, генерала-фельдмаршала и президента Российской академии наук.

К урбонимам, которые образованы от названий исторически важных отрезков времени, событий, связанных с культурными паттернами, можно отнести, например, хорононимы «Партизанская», «Краснопресненская», «Селигерская» и др. Станция «Партизанская» была названа в честь 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, и её оформление связано с партизанским движением, которое сыграло важную роль в борьбе советского народа. Уникальность партизанского движения в том, что оно было исключительно добровольным и опиралось только на поддержку населения. Партизанское движение является свидетельством невероятного самоотверженного подвига простого народа, образцом храбрости и отваги. Именно стойкость, мужество, храбрость партизан отражены в архитектуре станции и память об этом сохраняется и в топониме, и в оформлении станции, которая является своеобразным культурным текстом.

Названия станций «Краснопресненская» и «Селигерская» отражают память о важных исторических событиях. Лексема *краснопресненская* связана с декабрьским восстанием 1905 г. на реке Красная Пресня и свидетельствует о событии, повлиявшем на разви-

тие истории страны, а лексема *селигерская* — это дань памяти о тех воинах, которые пали в боях с немецко-фашистскими войсками на озере Селигер.

Небольшая группа урбонимов связана с названиями политических организаций: «Комсомольская» и «Пионерская». Урбоним «Комсомольская» образован от существительного *комсомол*. Комсомол, или Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ), — движение в Советском Союзе, в котором состояло свыше 30 млн граждан. Название станция получила в честь 15-летия образования ВЛКСМ. Станция «Пионерская» связана с детским политическим движением: Всесоюзной пионерской организацией имени В.И. Ленина, членов которой называли пионерами. Именно от существительного *пионер* образовано прилагательное *пионерский*, ставшее названием одной из станций метро.

Таким образом, вышеназванные урбонимы связаны с историческими событиями и именами великих людей России, поэтому они являются названиями, сохраняющими культурный код, напоминающими о людях, которые оставили свой след в истории, о событиях, которые давно миновали, но продолжают существовать в топонимической памяти города.

Самая малочисленная группа — это «урбонимы, связанные с обозначением места относительно его расположения к сторонам света», в которую вошли только три названия: «Юго-Западная», «Южная», «Южно-Восточная». Станция «Юго-Западная» была названа по своему расположению на юго-западе города. Станции «Южная» и «Южно-Восточная» также получили своё название в соответствии с их расположением на юге Москвы.

Анализ пространственных единиц, урбонимов станций московского метро позволяет отметить, что в русской традиции номинация урбонимов часто связана с описанием места через топологические отношения: где находится объект, какие объекты находятся рядом, как далеко они находятся друг от друга и т.д. Кроме того, существует разделение на пространство «внутри» пространственных объектов и «вне» пространственных объектов. В целом урбонимы московского метро отражают сложную систему представлений о пространстве как физическом, социальном, духовном и эмоциональном объектах. Эти представления связаны с особым историческим опытом и формированием мегаполиса (слияние различных населённых пунктов в единый город). Таким образом, урбонимы московского метро являются важной частью русской культуры и национального сознания, а также отражением национальных «вкусов» к процессу называния пространственных объектов. Несмотря на то что основная функция урбонимов — ориентировать жителя или гостя столицы в мегапо-

лисе, определять точку локации и направление движения, большая часть урбонимов, которые являются названиями станций московского метро, выполняют не только прагматическую функцию и часто не просто указывают на конкретную территорию, которая знакома жителям и гостям столицы из различных источников (литературы, кинематографа), но и несут ещё и культурно значимую информацию. Вышесказанное подтверждается тем, что названия многих улиц, станций, крупных городских объектов связаны с культурно-историческими событиями. Пространственные лексические единицы московского метро погружают жителей и гостей столицы в особую культуру и заставляют вспомнить о людях, событиях «давно минувших дней».

Нами были также классифицированы и описаны 428 урбонимов пекинского метро, точнее, названия станций его 27 действующих линий. Первые 19 линий не имеют имён собственных — они называются по номерам: «Линия 1» ... «Линия 19», но начиная с двадцатой линии, у городских линий появляются названия: «Линия Батун» (20), «Линия Чанпин», «Линия Дасин», «Линия Фаншань», «Линия Яньфан», «Линия Ичжуан», «Линия Шоудуцзичан», «Линия Дасинцзичани». В данном исследовании мы не анализировали названия линий, а также названия станций, которые относятся к пригороду Пекина, но являются фактически продолжением вышперечисленных линий.

На основе анализа этимологии урбонимов станций пекинского метро, по аналогии с классификацией А.В. Суперанской, все пространственные единицы распределены по группам:

1) **Урбонимы, образованные от названия внутригородских объектов** (других урбонимов):

- **внутригородские хоронимы** (кварталы, районы): «八宝山», «西单», «东单», «高碑店», «通州北苑», «管庄», «东四十条», «鼓楼大街», «新街口», «海淀黄庄» и др.;
- **годонимы** (улицы, бульвары, линии и т.п.), в названии которых используется 路 lù «дорога, улица»: «大望路», «玉泉路», «清源路», «同济南路», «经海路», «北苑路北», «大屯路东», «张自忠路», «金台路», «海淀五路居», «青年路» и др.; годонимы, в названии которых используется 街 jiē «улица»: «长椿街», «黄村西大街», «万源街», «荣京东街», «鼓楼大街», «苏州街» и др.; годонимы, в названии которых не используются 路 lù «дорога, улица» и 街 jiē «улица»: «八里桥», «枣园», «新宫», «蒲黄榆», «宋家庄», «草房», «通州北关», «南锣鼓巷», «车公庄», «黄渠», «十里堡», «平安里», «西小口», «林萃桥» и др.;
- **ойкодонимы** (названия различных городских зданий, строений), образованные от названий

библиотек: «国家图书馆»; *музеев*: «军事博物馆», «中国美术馆»; *университетов*: «传媒大学», «人民大学», «首经贸»; *деловых центров*: «国贸», «生物医药基地», «丽泽商务区», «善各庄»; *вокзалов*: «北京站», «北京南站», «黄村火车站», «亦庄火车站», «北京西站», «丰台站», «北京南站»; *больниц*: «积水潭»; *заводов*: «化工», «焦化厂»; *спортивных комплексов*: «奥体中心»; *рынков*: «木樨园»; *жилых комплексов*: «牡丹园», *городских выставок*: «农业展览馆», «国展» и др.;

- **эклезионимы** (названия храмов): «雍和宫», «慈寿寺», «大钟寺», «万寿寺» и др.;
- **дримонимы** (названия парков): «八角游乐园», «圆明园», «中关村», «动物园», «陶然亭», «亦庄文化园», «北海北», «东夏园», «欢乐谷景区», «环球度假区», «奥林匹克公园», «丰台科技园», «新首钢», «园博园», «朝阳公园» и др.;
- **дромонимы** (транспортные узлы, пути сообщения): «四惠», «太平桥», «分钟寺», «十八里店» и др.;
- **гефиронимы** (названия мостовых сооружений): а) *гефиронимы*, образованные с помощью 门 mén «ворота, двери»: «复兴门», «天安门西», «天安门东», «建国门», «宣武门», «和平门», «前门», «崇文门», «玉渊潭东门» и др.; б) *гефиронимы*, в названии которых используется 桥 qiáo «мост»: «土桥», «安河桥北», «立水桥», «立水桥南», «亦庄桥», «双桥», «公益西桥», «和平西桥», «天桥», «安华桥» и др.;

2) **урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа, с объектами культурного наследия**: «金台夕照», «景泰», «蒲黄榆», «永丰», «西苑»;

3) **урбонимы, связанные с обозначением места, относительно его расположения к сторонам света**: «四惠东», «高米店北», «高米店南», «天通苑北», «天通苑南», «惠新西街北口», «惠新西街南口», «次渠南», «车公庄西», «北运河西», «北运河东», «万盛西», «万盛东», «六里桥东», «角门东», «角门西», «西钓鱼台», «望京西», «西铁营», «望京南», «望京西», «北沙滩», «西黄村», «永丰南», «西北旺», «次渠北»;

4) **урбонимы, образованные от фитонимов**: «九棵树», «木樨地», «果园», «梨园», «十里河», «芍药居», «柳芳», «九龙山», «嘉会湖».

Самую большую группу представляют урбонимы, образованные от названия внутригородских объектов (других урбонимов), отличающиеся в пекинском метро многообразием. В эту группу включены внутригородские хоронимы, а именно: а) годонимы, в названии которых используется 路 lù «дорога, улица»; б) годонимы, в названии которых используется 街 jiē «улица»; в) годонимы, в названии которых не используются 路 lù «дорога, улица» и 街 jiē «улица».

Дороги, улицы, бульвары, шоссе и т.п. являются неотъемлемой частью любого города и обычно располагаются рядом со станциями метро, поэтому неудивительно, что многие станции пекинского метро, как и московского, образованы от названия улиц, расположенных рядом.

Годонимы, в названии которых используется *路* *lù* «дорога, улица», это названия станций, расположенных вблизи той или иной улицы: «万寿路», «南礼士路», «大望路», «玉泉路», «清源路», «同 济 南 路», «经海路», «北苑路北», «大屯路东» и др.

Например, в районе Хайдянь проходит «万寿路», что в переводе означает «дорога вечного долголетия»: *万* *wàn* — может использоваться как числительное «десять тысяч, десятки тысяч, тьма» и в качестве наречия «очень, крайне», а *寿* *shòu* — долголетие, продолжительность жизни. С древних времён *万寿* использовалось как пожелание вечной жизни, здоровья правителю, особенного в его день рождения. Иногда в составе урбонима вместо иероглифа *路* (*lù*) используется *街* (*jiē*), который *街* (*jiē*) имеет более узкое значение «улица, городская магистраль».

Большое количество хоронимов, названия которых связаны с названием близлежащих улиц, шоссе, бульваров, переулков и т.п., не имеют в своём составе иероглифов *路* *lù* «дорога, улица» и *街* *jiē* «улица», указывающих на родовое понятие. Например, станции «平安里», «珠市口», «王府井» названы по крупным улицам Пекина, а некоторые станции — по одним маленьким улочкам или переулкам (хутунам), которыми славится север Китая. Хутун образовывался путём присоединения одного жилого двора к другому, самыми известными являются хутуны, в честь которых названы станции «南锣鼓巷» и «金鱼胡同». Дословно «南锣鼓巷» означает «южные гонги и барабаны», а «金鱼胡同» — «золотая рыбка».

Как в московском метро, так и в пекинском много урбонимов, образованных от названия различных городских объектов. Например, станция «中国美术馆» названа по расположенному рядом Музею изобразительных искусств «中国美术馆», а станции «国家图书馆» дано имя по названию расположенной неподалёку Национальной библиотеки «国家图书馆». Станция «国贸» получила своё название по Центру мировой торговли, делового центра в Пекине, а станция «首经贸» — благодаря расположенному рядом Университету международного бизнеса и экономики, одному из самых престижных учебных заведений Китая.

Несмотря на то что Китай считается спортивной страной, в названиях станций метро мало урбонимов, связанных с названием спортивных объектов: только станция «奥体中心» в районе Чаоян. «奥体中心» — это Олимпийский спортивный центр, который был

открыт в 1986 г. к Азиатским играм 1990 г., позже объект был реконструирован для проведения летних Олимпийских игр 2008 г.

Особую группу урбонимов пекинского метро представляют экклезионимы, связанные с названиями храмов и других культовых объектов, например «大钟寺», что в переводе означает «Храм большого колокола». В любом китайском городе можно встретить многоярусную башню с несколькими карнизами, которая именуется пагодой и является культовым сооружением. Например, экклезионим «雍和宫» переводится как «Пагода храма Цышоу», потому что располагается рядом с известной пагодой.

Любая страна стремится к озеленению своих городов, но для китайской столицы парки — это ещё и культурное, и историческое наследие, особое искусство. Поэтому станции, названные по расположенным рядом паркам, — это для носителя китайской культуры не только особая среда, но и особые «культурные анклавы». Названий станций, образованных от дримонимов, довольно много: «八角游乐园», «圆明园», «中关村», «动物园», «陶然亭», «亦庄文化园», «北海北», «东夏园», «欢乐谷景区», «环球度假区», «奥林匹克公园», «丰台科技园», «新首钢», «园博园», «朝阳公园».

В составе многих дримонимов имеется общий иероглиф *园*, который является родовым словом: «1. Плодовый сад, огород. 2. Сад, парк; место отдыха». Если «陶然亭», «东夏园» — это городские парки, то «圆明园» — это дворцово-парковый комплекс, что в переводе означает «Сады совершенной ясности». Дворцовый комплекс, построенный императором Канси, является, с одной стороны, свидетельством величия Китая (во дворцах хранились уникальные коллекции фарфора, изделия из слоновой кости и т.д.), но, с другой стороны, и напоминанием об Опиумных войнах, в результате которых парк был разграблен английскими и французскими войсками. Сейчас парк восстановлен, но руины императорских дворцов, напоминающих о варварстве европейцев, сохраняются. Несколько лет назад в парке создан Центр патриотического воспитания молодёжи, который не позволяет забыть о временах унижения и разграбления Китая. Как видим, дримонимы выполняют культуросохраняющую функцию в виду особого статуса садов и парков в культурном наследии Китая.

Дромонимы в названиях станций пекинского метро встречаются редко: «四惠», «太平桥», «分钟寺», «十八里店» и выполняют скорее всего только указательную функцию. Транспортный узел — это «место схождения (расхождения) нескольких путей (дорог), где осуществляется перевалка грузов или пересадка пассажиров, а также сортировка транс-

портных средств. Название станции «太平桥» связано с транспортным автобусным узлом, расположенным неподалёку. В Пекине развито автобусное сообщение, поэтому так важно, чтобы в названии станции метро был ориентир на данный доступный вид транспорта как городского, так и пригородного сообщения. Станция «分钟寺» названа по автомагистральному узлу «分钟寺», расположенному на юго-восточном участке 3-й кольцевой дороги, магистраль ведёт сразу в нескольких направлениях — Ланфан, Тяньцзинь и Новый Биньхай. Станция «十八里店» названа по транспортному узлу в районе Чаоян. «十八里店» расположена там, где 4-я кольцевая дорога соединяется с магистралью Цзинцзиньтан. Данные дромонимы выполняют важную роль для ориентировки в пространстве большого города, подсказывая жителям и гостям столицы возможные пересадки.

Довольно большая группа гефиронимов связана с названиями мостовых сооружений и образована с помощью родовых понятий 门 mén «ворота, двери» и 桥 qiáo «мост»: «复兴门», «天安门西», «天安门东», «建国门», «宣武门», «和平门», «前门», «崇文门», «玉渊潭东门», «土桥», «安河桥北», «立水桥», «立水桥南», «亦庄桥», «双桥», «公益西桥», «和平西桥», «天桥», «安华桥» и др.

Станции «天安门西» и «天安门东» связаны с названием входов в императорский дворец в Пекине, буквальный перевод — «Врата небесного умиротворения на западе» и «Врата небесного умиротворения на востоке». Многочисленность данной группы обусловлена самим строением Пекина — крепостные стены и башни, воздвигнутые ещё в эпоху династии Мин. Сейчас же большая часть стен разрушена, но память в сознании народа сильна и отражена в урбонимах. Например, название станции «复兴门» переводится как «Врата мира» и представляет собой ворота, которые раньше были частью городской стены, буквальный перевод — «Ворота возрождения».

Многочисленность урбонимов, в составе которых есть 门 и 桥, обусловлена городскими укреплениями Пекина — стены с башнями и воротами, построенные в 1400-х гг. Это укрепления Запретного города, Императорского города и внешних и внутренних границ Пекина. В настоящее время сохранилась всего часть таких укреплений. Мостовые сооружения — это разнообразные искусственные постройки над водоёмами, реками, каналами и над дорожными путями для пропуска транспорта и пешеходов. В мегаполисе их очень много и, по-видимому, этим обусловлено большое количество названий станций метро, образованных от гефиронимов.

Урбонимика любого города в той или иной степени хранит и отражает исторический след народа. Анализируя названия станций московского метро,

мы описали урбонимы, в названии которых явно прослеживается связь с исторической памятью, с именами известных людей, явлениями и событиями, оставившими культурный след в названиях станций. В некоторых названиях станций пекинского метро также можно проследить связь с культурным наследием Китая: «金台夕照», «景泰», «蒲黄榆», «永丰», «西苑».

Станция «金台夕照» названа по одной из восьми достопримечательностей Яньцзи. В 2002 г. под зданием Цигуан была обнаружена каменная табличка и установлено, что она написана императором Цяньлуном. В переводе название станции «金台夕照» означает «Золотая терраса в сиянии заходящего солнца».

Станция «景泰» связана с названием эпохи правления Чжу Циюй «朱祁钰», седьмого императора династии Мин (1449–1457). Император уделял огромное внимание вопросам внешней политики и экономики Китая. В результате его правления экономика страны процветала, а династия ещё больше укрепилась. «景泰» в переводе означает «Возвышенный взгляд».

Таким образом, урбонимы, названия которых связаны с исторической памятью народа, с объектами культурного наследия пекинского метро, тематически близки урбонимам московского метро, названия которых связаны с исторической памятью носителей русского языка и русской культуры. В обеих группах в названиях станций сохраняется память об исторических событиях, памятных датах, знаковых культурных местах, именах известных людей.

В названиях многих станций пекинского метро встречаются локативы, указывающие на расположение относительно стороны света. Как известно, указание на расположение какого-либо объекта относительно стороны света (севера — запада — юга — востока) в китайском языке является способом обозначения категории пространства. Стороны света по-китайски: 北 — север, 南 — юг, 西 — запад, 东 — восток. У китайцев особое отношение к сторонам света. Исследователь Лу Цзяньмин заметил, что китайские наименования сторон света противопоставляются в парах: восток — запад, юг — север по принципу «лучшее — худшее», «лучшее — худшее» или восток — юг, запад — север «лучшее — лучшее», «худшее — худшее» [11].

По мнению Сюэ Шэня, иероглиф 东 указывает на сторону света, откуда восходит солнце, а значит, «восточная сторона есть сторона движения, то есть начала движения и зарождения десяти тысяч вещей» [23]. Сюй Хуэй отмечает, что в ритуалах важное место отводилось восточной стороне, поэтому возникло

выражение 东家 (в переводе «восточный дом»), которое толкуется как «начальник, хозяин», таким образом, «восток соответствовал месту хозяина, главы». Когда древние искали учителей для своих детей и после переговоров стороны заключали соглашение об оплате, хозяин приглашал учителя в дом и просил его сесть с западной стороны, поэтому домашних учителей уважительно называют 西席 xīxí (букв. «циновка на западе»)» [23; 24] или «учитель западного образования» (*ChatGPTBot*). В урбонимах пекинского метро прослеживается сохранение традиции при указании на пространство соизмерять его расположение относительно сторон света и тем самым не только указывать конкретное местоположение, но и оценивать размещенный объект в традициях национального восприятия.

В китайской философии запад — это сила Инь, женское начало, с древних времён связанное с посмертным миром, поэтому при размещении за столом наименее почётных гостей сажали с восточной стороны. Юг является силой Ян, мужским началом, и олицетворяет долголетие, крепкое здоровье, процветание и богатство. Если всё рождает юг, то всё погибает от севера. Север — это источник холода, проблем, метафора правления императора с тиранической формой государственной власти. Интересным представляется сам иероглиф 北, изначально изображающий двух человек, которые расположены спиной друг к другу: «Иероглиф древнего начертания изображал двух человек, стоящих спиной к спине. Исходные значения *спина; поворачиваться спиной; противоречить (одн другому); противоположный*. Когда терпят поражение в бою, то, спасаясь бегством, всегда оказываются спиной к врагу, поэтому иероглиф приобрёл значение *терпеть поражение*. Позже иероглиф был заимствован для обозначения стороны, противоположной югу, а для обозначения понятия “спина” был создан другой иероглиф 背» [6, с. 69–70].

В названиях станций пекинского метро очень часто встречаются иероглифы, указывающие на отношение объекта к стороне света: «高米店北», «高米店南», «天通苑北», «天通苑南», «惠新西街北口», «惠新西街南口», «次渠南, 车公庄西», «北运河西», «北运河东», «万盛西», «万盛东», «六里桥东», «角门东», «角门西», «西钓鱼台», «望京西», «西铁营», «望京南», «望京西», «北沙滩», «西黄村», «永丰南», «西北旺», «次渠北».

Одной из особенностей урбонимов пекинского метро является добавление иероглифов 北, 南, 西, 东 к уже имеющемуся названию улицы, района или даже делового центра, от которого образовалось название станции. Иероглифы 北, 南, 西, 东 уточняют расположение данного объекта относительно стороны света. Например, станция, которая названа

по названию близлежащей деревни «次渠», позже получила добавочный иероглиф 南 и стала называться «次渠南». Аналогичная история произошла с урбонимом «万盛» (название района Ваншэн), который после уточнения стал именоваться «万盛西» (район на западе). Аналогичным образом названы и другие станции: «万盛东» (район на востоке). Иероглиф «望京» — один из кварталов Пекина — тоже получил уточнение: «望京南» — квартал на юге, а «望京西» — квартал на западе.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что урбонимы московского и пекинского метро, которые обозначают стороны света, выполняют прагматическую функцию, целью которой является уточнение локации объекта. В китайской картине мира точность локации важна и тесно связана с расположенностью по отношению к той или иной стороне света, и об этом свидетельствует то, что большое количество урбонимов пекинского метро содержит иероглифы 北, 南, 西, 东. В русской пространственной картине мира привязка к сторонам света несущественна и несистемна.

Особую группу составляют урбонимы пекинского метро, связанные с названиями различных растений (образованные от фитонимов): «九棵树», «木樨地», «果园», «梨园», «苹果园», «十里河», «芍药居», «柳芳», «九龙山», «嘉会湖». Например, станции «果园», «梨园», «苹果园», «柳芳» имеют довольно «вкусное» значение, большинство обозначают плодовые деревья — это фруктовый сад, грушевый сад, яблоневый сад. Согласно убеждениям китайцев, деревья обладают душой и мудростью, потому что выступают посредником между небом и человеком, так как деревья вбирают в себя силу трёх сфер — неба, земли и воды. Не случайно, когда растения живут благодаря стараниям человека, то употребляется глагол 养 yǎng «кормить». Этот же глагол используется и в отношении «кормить семью».

Кроме того, один урбоним образован от оронима (имена наземных объектов гор, хребтов, долин и т.п.) «九龙山» (горы Девяти драконов) и одного лимнонима (озеро) «嘉会湖» (озеро Цзяхуй).

Анализируя урбонимы пекинского метро, мы пришли к выводу, что пространственные лексические единицы характеризуются, скорее, не топологическими отношениями, а функциональными. Также важным аспектом является социальная значимость пространства — кто имеет право на его использование и каким образом. Например, в китайской культуре существует понятие «guanxi», которое описывает личные связи между людьми и имеет большое значение при определении, какие пространства доступны человеку. Урбонимы пекинского метро помогают людям ориентироваться в пространстве и

находить нужные объекты, становясь важным фактором в формировании городской инфраструктуры, часто многие урбонимы указывают на расположение объекта относительно сторон света (юг, север, запад, восток). Также важную роль выполняют урбонимы, в названиях которых содержится указание на историческое значение местности («Гробница Шуанцзя»). Культурное значение выполняют урбонимы, дублирующие названия парков, которые в Китае являются особым искусством и своеобразными «культурными анклавами». Не менее важны названия станций, образованные от эллионимов, сохраняющих историческую память в облике города. Как мы можем судить, урбонимы пекинского метро играют значительную роль в сохранении исторической памяти и формировании культуры и идентичности, связанных с местом, где люди проживают. Вместе с тем урбонимы пекинского метро в большей степени выполняют ориентирующую функцию и тем самым позволяют повысить качество жизни граждан, упрощают ориентирование в пространстве.

Выводы

Анализ научных исследований в области семантизации пространственных единиц позволяет нам сделать некоторые выводы. Во-первых, каждый язык имеет уникальную систему экспликации пространства. Во-вторых, система репрезентации пространства формируется под влиянием различных факторов: географических особенностей местности, архитектуры зданий, традиций, ментальности, вкусовых предпочтений народа, практической значимости и т.п. В-третьих, русский и китайский языки относятся совершенно к разным лингвистическим семьям, поэтому способы репрезентации пространства имеют существенные отличия. В-четвёртых, существенное влияние на номинацию пространственных единиц оказывает культура, история народа, которые отражаются в уникальных лексических единицах, в том числе и в различных видах урбонимов. В-пятых, концептуализация пространства с помощью урбонимов — это процесс, при котором люди используют названия географических мест, чтобы описать расположение объектов и направление движения в пространстве и дать этим локациям социальную и культурную характеристику. В целом концепция

пространства в российской и китайской науках отражает своеобразные языковые и культурные взгляды каждого общества. В обеих культурах имеется уникальная система способов семантизации для описания мест, а также процессов перемещения в пространстве.

Систематизировав названия станций московского и пекинского метро, мы пришли к выводам, что большее количество урбонимов московского и пекинского метро образовано от названий внутригородских хоронимов, улиц, бульваров, переулков, а также различных внутригородских объектов, что само по себе логично, ведь для того, чтобы жители и гости столицы могли ориентироваться и находить необходимые им объекты, названия станций должны им в этом помогать. Названия станций пекинского метро точно указывают на место, в том числе на культовые сооружения, парки, сады, роши и т.д., которые являются лексическими единицами, называющими объекты, а некоторые урбонимы выполняют и культуросохраняющую функцию. Но в названиях московских станций эллионимы, дромонимы, дромонимы, гефиронимы отсутствуют несмотря на то, что культовых объектов, имеющих культурное значение, великолепных парков, мостов и т.п. в Москве достаточно много. Отсутствуют в названиях московского метро и урбонимы, указывающие на транспортные узлы и пути сообщения, несмотря на то что таких объектов в мегаполисе много и их роль в ориентации человека (особенно приезжего) важна. Возможно, эти факты отражают образное видение русского пространственного мира, его «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», в отличие от китайской пространственной картины мира, которая представляет строгую, математически выверенную модель, тесно связанную с конкретизацией объекта, с точностью указания его локаций.

Однако, несмотря на различия в подходе к семантизации урбонимов, в русской и китайской пространственных картинах мира имеется много общего в понимании пространства. В обеих «пространственных культурах» (способах выбора названия для локуса) уделяют большое внимание тому, как люди двигаются в пространстве, как они его ощущают и какие чувства вызывает у них это пространство.

Литература

1. Агеева Р.А. Улицы Москвы: Старые и новые названия: топоним. Слов.- справ. [Текст] / Р.А. Агеева. — М.: Наука, техника, образование: ГУП Саратов. полигр. комб, 2003. — 335 с.
2. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Язык и время [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. — М.: Индрик, 1997. — 352 с.
3. Барандеев А.В. История географических названий: русская топонимика в терминах: учеб. пособие / А.В. Барандеев. — М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. — 320 с.
4. Березович Е.Л. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации [Текст] / Е.Л. Березович // Номинация в ономастике. Сборник научных трудов. — Свердловск: Урал. ун-т, 1991. — С. 75–90.

5. Березович Е.Л. Русская топонимика в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства [Текст] / Е.Л. Березович. — М.: ЛЕНАНД, 2020. — 238 с.
6. Ван Хуа. Номинация сторон света в китайской и русской лингвокультурах [Текст] / Ван Хуа, И.И. Бабенко // Лингвокультурология и межкультурная коммуникация // Вестник ТГПУ. — 2021. — № 3. — 49–57 с.
7. Гойхман О.Я. Коммуникативистика в современном обществе [Текст] / О.Я. Гойхман // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2012. — № 1. — С. 4–9.
8. Имена московских улиц. Топонимический словарь [Текст] / Р.А. Агеева, Г.П. Бондарук, Е.М. Поспелов и др. — М.: ОГИ, Московская библиотека, 2007. — 608 с.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. — М.: КДУ, 2011. — 350 с.
10. Лю Пэн. Концептуализация пространства с помощью «верх» в китайском языке [Текст] / Лю Пэн // Вестник МГЛУ. — 2020. — С. 23–32.
11. 陆俭明, “还” 和 “更” / 20世纪现代汉语语法 “八大家” 选集 / 沈阳主编. 长春 — 东北师大出版社, 20页 Lu Цзяньмин. Наречия “还” и “更”
12. 陆俭明. 同类词连用规则刍议— 从方位词 “东南西北” 两两组合规则谈起. 中国语文. — 1994. — № 5. — 330–338 页. Lu Цзяньмин. Обсуждение правил использования однородных слов — разговор о правилах парных комбинаций локализатора «юго-восток, северо-запад» // Китайская филология / Лу Цзяньмин. — Пекин: Язык, 1994. — С. 330–338.
13. Лю Цзинпэн. Лингвистический ландшафт города как объект эрратологии перевода (русско-китайская языковая комбинация): автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Лю Цзинпэн. — М., 2023.
14. Маслов А.А. Колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала [Текст] / А.А. Маслов. — М.: Алетейа, 2015. — 376 с.
15. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику [Текст]: учеб. пособие / В.А. Маслова. — 5-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 293 с.
16. Маслов А.А. Особенности лексических единиц, обозначающих пространство в китайских даосских текстах «О снах и грёзах» [Текст] / А.А. Маслов, И.И. Просвиркина, М.В. Агарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 8. — Ч. 1. — С. 125–132.
17. Поспелов Е.М. Географические названия Московской области [Текст]: топонимический словарь / Е.М. Поспелов. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 600 с.
18. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110–122.
19. Просвиркина И.И. Лексические единицы китайского языка, выражающие пространство (на материале философского трактата «Чжуан-Цзы») [Текст] / И.И. Просвиркина, Е.А. Луценко // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. — № 11. — С. 156–161.
20. Просвиркина И.И. Категория пространства в произведении Д. Глуховского «Метро 2033»: лексический аспект [Текст] / И.И. Просвиркина, Е.В. Колесова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2013. — № 6. — С. 47–52.
21. Просвиркина И.И. Коммуникативное пространство в современном речевом общении [Текст] / И.И. Просвиркина // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2012. — № 1. — С. 9–11.
22. Суперанская А.В. Что такое топонимика? Из истории географических названий [Текст] / А.В. Суперанская. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014. — 178 с.
23. Сюй Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый [Текст] / Сюй Хуэй; пер. с кит. Е.А. Кузьминой. — М.: Шанс, 2020. — 423 с.
24. 许慎: 《说文文字》 体华中中商中, 1963年12月第广. Сюй Шэнь. Словарь «Происхождение китайских иероглифов», т.е. «Шовэнь цзецзы». Фотолитографическое издание Китайского книгоиздательства, первое издание: декабрь 1963. — 327 с.
25. Тань Аошуан. Китайская картина мира: язык, культура, ментальность [Текст] / Тань Аошуан. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 231 с.
26. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции культуры [Текст] / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской культуры: Источники и методы. — М.: Флинта: Наука, 1989. — 272 с.
27. Топоров В.Н. Пространство и текст [Текст] / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. — М.: Флинта: Наука, 1983. — 214 с.
28. Успенский Л.В. Загадки топонимии [Текст] / Л.В. Успенский. — М.: АСТ; Зебра Е, 2008. — 336 с.
29. Хайдеггер М. Искусство и пространство [Текст] / М. Хайдеггер // Самосознание европейской культуры XX века. — М.: Изд-во политической литературы, 1991. — С. 96–106.
30. Чалабаева Л.В. Знакомость пространства и времени в контексте принятия решения [Текст] / Л.В. Чалабаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4. — С. 196–199.
31. Чугунова С.А. Концептуализация времени в разных культурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / С.А. Чугунова. — Тверь, 2009. — 45 с.
32. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е.С. Яковлева. — М.: Гнозис, 1994. — 344 с.
33. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык [Текст] / С.Е. Яхонтов. — М.: Наука, 1965. — 115 с.

References

1. Ageeva R.A. Ulitsy Moskvy: Starye i novye nazvaniya: toponim. Slov.-sprav. / R.A. Ageeva. Moskva: Nauka, tekhnika, obrazovanie: GUP Sarat. poligr. komb, 2003, 335 p.
2. Arutyunova N.D. Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya / N. D. Arutyunova, T.E. Yanko. Moskva: Indrik, 1997, 352 p.
3. Barandeev A.V. Istoriya geograficheskikh nazvaniy: russkaya toponimika v terminakh: ucheb. posobie / A.V. Barandeev. Moskva: Knizhnyy dom LIBROKOM, 2010, 320 p.
4. Berezovich E.L. Semanticheskie mikrosistemy toponimov kak fakt nominatsii / E.L. Berezovich // Nominatsiya v onomastike. Sbornik nauchnykh trudov. Sverdlovsk: Ur. un-t, 1991, pp. 75–90.
5. Berezovich E.L. Russkaya toponimika v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva / E. L. Berezovich. Moskva: LENAND, 2020, 238 p.
6. Van Khua. Nominatsiya storon sveta v kitayskoy i russkoy lingvokul'turakh / Van Khua, I.I. Babenko // Lingvokul'turologiya i mezhkul'turnaya kommunikatsiya // Vestnik TGPU, 2021, № 3, pp. 49–57.
7. Goykhman O.Ya. Kommunikativistika v sovremenom obshchestve // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika. 2012, № 1, pp. 4–9.
8. Imena moskovskikh ulits. Toponimicheskiy slovar' / R.A. Ageeva, G.P. Bondaruk, E.M. Pospelov i dr. Moskva: OGI, Moskovskaya biblioteka 2007, 608 s.
9. Kornilov O.A. yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. M.: KDU, 2011, 350 s.
10. Lyu Pen Kontseptualizatsiya prostranstva s pomoshch'yu «verkh» v kitayskom yazyke / Lyu Pen // Vestnik MGLU. Minsk: MGLU, 2020, pp. 23–32.
11. 陆俭明, “还” 和 “更” / 20世纪现代汉语语法 “八大家” 选集 / 沈阳主编. 长春 — 东北师大出版社, 20页 Lu Tszyan'min. Narechiya “还” i “更”
12. 陆俭明. 同类词连用规则刍议— 从方位词 “东南西北” 两两组合规则谈起. 中国语文., 1994, № 5, 330–338 页. Lu Tszyan'min. Obsuzhdenie pravil ispol'zovaniya odnorodnykh slov — razgovor o pravilakh parnykh kombinatsiy lokalizatora «yugo-vostok, severo-zapad» // Kitayskaya filologiya / Lu Tszyan'min. Pekin: Yazyk, 1994, pp. 330–338.

13. Lyu Tszinpen. Lingvisticheskiy landshaft goroda kak ob'ekt erratologii perevoda (russko-kitayskaya yazykovaya kombinatsiya). dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filolol. nauk. M., 2023.
14. Maslov A.A. Kolokol'tsa v pyli. Stranstviya maga i intellektuala / A.A. Maslov. Moskva: Aleteya, 2015, 376 p.
15. Maslova V.A. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku: uchebnoe posobie / V.A. Maslova. 5-e izd. Moskva: Flinta: Nauka, 2011, 293 p.
16. Maslov A.A., Prosvirkina I.I., Agareva M. V. Osobennosti leksicheskikh edinit, oboznachayushchikh prostranstvo v kitayskikh daoskikh tekstakh «O snakh i grezakh» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2018, № 8, ch. 1, s. 125–132.
17. Pospelov E.M. Geograficheskie nazvaniya Moskovskoy oblasti: toponimicheskiy slovar' / E.M. Pospelov. Moskva: AST: Astrel', 2008, 600 p.
18. Pocheptsov O.G. Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira / O.G. Pocheptsov // Voprosy yazykoznaniya, 1990, № 6, pp. 110–122.
19. Prosvirkina I.I. Leksicheskie edinititsy kitayskogo yazyka, vyrazhayushchie prostranstvo (na materiale filosofskogo traktata «Chzhuan-Tszy») / I.I. Prosvirkina, E.A. Lutsenko // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 11, pp. 156–161.
20. Prosvirkina I.I. Kategoriya prostranstva v proizvedenii D. Glukhovskogo «Metro 2033»: leksicheskiy aspekt / I.I. Prosvirkina, E.V. Kolesova // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika, 2013, № 6, pp. 47–52.
21. Prosvirkina I.I. Kommunikativnoe prostranstvo v sovremennom rechevom obshchenii // Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika, 2012, № 1, pp. 9–11.
22. Superanskaya A.V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvaniy / A. V. Superanskaya. Moskva: LIBROKOM, 2014, 178 p.
23. Syuy Khuey. Etimologiya kitayskikh ieroglifov. Sto samykh vazhnykh kitayskikh ieroglifov, kotorye dolzhen znat' kazhdyy / per. s kit. E.A. Kuz'minoy. Moskva: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 2020, 423 p.
24. Syuy Khuey. Etimologiya kitayskikh ieroglifov. Sto samykh krasivykh kitayskikh ieroglifov, kotorye dolzhen znat' kazhdyy / per. s kit. E. A. Kuz'minoy. Moskva: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», 2020, 407 p.
25. 许慎:《说文解字》 体华中中商中, 1963年12月第月广. Syuŕ Shen'. Slovar' «Proiskhozhdenie kitaiskikh ieroglifov», t.e. «Shoven' tszetszy». Fotolitograficheskoe izdanie Kitaiskogo knigoizdatel'stva, pervoe izdanie: dekabr' 1963, 327 p.
26. Tan' Aoshuan. Kitayskaya kartina mira: yazyk, kul'tura, mental'nost' / Tan' Aoshuan. Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 231 p.
27. Tolstaya S.M. Terminologiya obryadov i verovaniy kak istochnik rekonstruktsii kul'tury / S.M. Tolstaya // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Rekonstruktsiya drevney slavyanskoy kul'tury: Istochniki i metody. Moskva: Flinta: Nauka, 1989, 272 p.
28. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst / V.N. Toporov // Tekst: semantika i struktura. Moskva: Flinta: Nauka, 1983. 214 s.
29. Uspenskiy L.V. Zagadki toponimiki / L.V. Uspenskiy. Moskva: AST; Zebra E, 2008, 336 p.
30. Khaydegger M. Iskusstvo i prostranstvo / M. Khaydegger // Samosoznanie Evropeyskoy kul'tury XX veka. Moskva: Izd-vo politicheskoy literatury, 1991, pp. 96–106.
31. Chalabaeva L.V. Znakovost' prostranstva i vremeni v kontekste prinyatiya resheniya / L.V. Chalabaeva // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2013, № 4, pp. 196–199.
32. Chugunova S.A. Kontseptualizatsiya vremeni v raznykh kul'turakh: avtoref. dis. doktora filol. nauk / S.A. Chugunova. Tver', 2009., 45 p.
33. Yakovleva E.S. Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) / E.S. Yakovleva. Moskva: Gnozis, 1994, 344 p.
34. Yakhontov S.E. Drevnekitayskiy yazyk / S.E. Yakhontov. Moskva: Nauka, 1965, 115 p.